

А ВЕЧЕРОМ в театре шел спектакль «Веселый тракт» по пьесе Б. Васильева — третья за последнее время постановка произведения писателя на армавирской сцене. Скорее всего, это не случайное совпадение, а осознанное духовное родство, близость художественной манеры автора творческим установкам коллектива и его главного режиссера Л. Каменецкого. Забегая вперед, скажу, что «Веселый тракт» оказался наиболее цельной и точной работой театра из всех, увиденных мной за четыре дня. И это, в свою очередь, подтверждает догадку о близости «душевного реализма» Васильева режиссеру и актерам.

Как ведущий стилистический прием спектакля я бы назвал насыщенную внутреннюю жизнь героев при скупости внешних выразительных средств. А как способ актерской игры — стремление исполнителей обнаружить противоречия между первичным смыслом произносимого текста и подтекстом, тем действительным посылом, который скрыт за словами. Такая исполнительская манера создает ощущение подлинного психологизма, многозначности человеческого существования. Прием сложный, требующий тончайшей нюансировки. Далеко не всем и не всегда он удается. Иногда многозначность подменяется в спектакле искусственной многозначительностью. Но зато в тех случаях, когда противоречие между словом и внутренним действием найдено, на сцене возникает живой театр, театр жизненной и художественной правды.

У Васильева, как правило, самые положительные герои, носители нравственного идеала, жертвуются во имя утверждения той или иной авторской идеи. Так было в «Последнем дне», «Не стреляйте в белых лебедей», «А зори здесь тихие...». То же происходит и в «Веселом тракте». Здесь собраны люди сложных, порой изломанных судеб. Театр показывает их характеры в движении, в процессе переосмысления собственной жизни, своего че-

ловеческого предназначения. А пружиной этого внутреннего движения становится образ бригадира шоферов Тарасыча, или Деда, как все его называют.

Л. Леонидов играет Тарасыча человеком спокойной, уверенной силы, крепко стоящим на земле, знающим цену таким высоким понятиям, как правда, честь, вера... И когда он буднично и, вместе с тем, героически уходит из жизни, его смерть оборачивается в спектакле той нравственной высотой, с которой становятся заметными дотоле скрытые от взгляда темные уголки в душах героев. Именно смерть Деда толкает их на принятие важных, может быть, самых главных в жизни решений.

Принципиально важно, что удался в спектакле образ Андрея — прямого преемника Деда. У А. Олешни эта преемственность самого высокого порядка. Его Андрей наследует не должность, не место в бригаде, а особое место на земле, наследует духовное лидерство, ответственность за продолжение той жизни, которой жил и которую считал единственно достойной погибший за рулем Тарасыч.

Не могу не назвать и некоторые другие удавшиеся актерские работы — В. Дмитриев в роли Корнеева, Р. Должанская — Анна, В. Кирст — Майя, В. Кравченко — Инна, В. Вершинин — Юрка. Конечно, спектакль не лишен недостатков. В частности, вызывает возражения подчеркнутая мажорность финала. Есть заметные нарушения логики развития отдельных характеров. Но в целом новая работа театра выглядит многообещающе.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

В ПРЕДЫДУЩИЕ дни зрительный зал театра заполнялся в лучшем случае на четверть (это чуть больше ста человек). А в последний, четвертый вечер сложилась ситуация буквально катастрофическая. В театр пришли... 16 человек. И это при том, что игрался спектакль «Гибель эскадры», и на сцене было людей в два раза больше. Чем же объяснить отсутствие зрителей? Администрация ссылается на

конкуренцию со стороны телевидения (в те дни показывали многосерийный «Вечный зов»). Думается, если такое объяснение и можно принять, то лишь отчасти. Ведь в тот же груст-

ЧЕТЫРЕ ДНЯ в Армавирском драматическом

Заметки театрального критика

ный для театра вечер на улицах, как обычно, было много людей, и вовсе не пустовали кафе, рестораны, магазины, кинотеатры, дома культуры. Я уже упоминал, что в театре было холодно. Это немаловажное обстоятельство, но тоже не решающее. Морозная погода в Армавире — явление редкое. А низкая посещаемость, наоборот, — фактор стабильный.

Вот данные за прошлый год. На 127 вечерних спектаклях побывало около 35 тысяч зрителей. Нехитрые подсчеты показывают, что в среднем каждый спектакль посетили 275 человек, что немногим превышает половину зрительного зала. Но и эти явно неблагоприятные цифры не отражают реальной картины посещаемости. Ибо они говорят лишь о количестве реализованных билетов. А в театре не скрывают, что многие зрители, получив у себя на производстве бесплатные билеты, приобретенные на средства профсоюзных комитетов, в театр тем не менее не идут. Так и получается, что по кассовой рапортнице значится

одно число зрителей, а в зале находится совсем другое, гораздо меньшее.

Невольно напрашивается вывод, что армавирцы не любят свой театр. Но это не так. О коллективе в городе говорят с уважением, знают и ценят многих актеров. Да и нынешнее творческое состояние театра не допускает распространения ссылки на то, что там, мол, нечего смотреть. И все-таки зрителей мало. Попробуем разобраться, в чем тут дело.

Театр в Армавире, скорее всего, любят, но любовь эта

раннего возраста потребности бывать в театре. Социологи установили, что если человек до своего совершеннолетия не посещал театр или посещал случайно несколько раз, что практически одно и то же, то он, за малым исключением, активным зрителем уже никогда не станет.

В армавирском театре работа с детьми, как выяснилось, сводится лишь к обслуживанию школьных каникул. В остальное время года юные армавирцы лишены встреч с театром. И такая практика существует десятилетиями. Вот и ответ на

вопрос об отсутствии зрителей. Не удивительно, что театр, самоустранявшись от воспитания будущих театралов, испытывает в них сегодня острую нужду.

Проблема юного зрителя в Армавире не то что созрела, а, видимо, давно перезрела. При чем, сложившаяся ситуация должна встревожить не только театр, но и органы народного образования, культуры, городской комсомольский комитет. В конце концов, посещаемость театра, хотя это и барометр духовной жизни города, — отнюдь не самоцель. И когда зрители, особенно молодые, не ходят на спектакли, то наибольшие потери несет не театр, а они сами, обедняя себя эстетически, нравственно, духовно.

Мне довелось наблюдать за небольшими группами молодых людей, которые находились в числе зрителей в предыдущие три дня. Очевидно, это был культпоход старшеклассников, а может быть, учащихся ПТУ или техникума. Так вот, у меня сложилось впечатление, что они попросту не догадываются о том, как принято себя вести в театре. Нет, об-

щественного порядка в буквальном смысле они не нарушали. Но в их манере держаться преобладали стереотип поведения не театрального, а, скорее, телевизионного зрителя. Они, совсем как дома, в полный голос обменивались впечатлениями, отвлекаясь иногда и на вольные темы. В финале спектакля никто из них не аплодировал. И не потому, что не понравилось, а потому, что не предполагали, что это нужно. Если добавить к сказанному явное непонимание мало-мальски усложненных сценических приемов, что проявлялось в подчеркнуто веселой реакции, то становилось понятным, что они здесь люди случайные. И это, наверное, не их вина, а их беда.

Да, трудно и обидно было актерам играть «Гибель эскадры» А. Корнейчука в пустом зале. Наверняка, гнетущая атмосфера этого вечера отразилась на спектакле. Но все же я должен поделиться впечатлениями от этой, видимо, этапной работы театра, посвященной к тому же юбилею Октября.

Постановка композиционно сложной, многолюдной пьесы Корнейчука предоставляла для небольшой армавирской труппы немалые трудности. Не только для массовых сцен, но и для некоторых ролей не хватало исполнителей. Режиссеру Л. Каменецкому пришлось призвать «под знамена Черноморского флота» чуть ли не всех работников театра мужского пола вне зависимости от профессии и должности. Конечно, такая пестрота состава не могла не сказаться. Заметны ритмические провалы, нехватка профессионализма...

И все же режиссер сумел отладить и привести в целенаправленное движение сложный механизм постановки. Удалось в спектакле массовые сцены, отдельные актерские работы, хорошо «работает» свет. Интересно поставлены и сыграны некоторые эпизоды, например, заразительно веселый, бесшабашный музыкальный номер Фрегата (В. Дмитриев), Паллады (И. Стребков) и Юнги (И. Москаленко), сцена схватки революционных матросов с офицерами. По всему спектаклю прослеживается четкая расста-

новка идейных сил, моментами на сцене возникает атмосфера сурового, тревожного времени.

Вместе с тем спектаклю явно недостает ощущения сиюминутности происходящих событий, не хватает кипения настоящих человеческих страстей, ярости, живого нерва. Пока это не более чем добросовестный рассказ о делах давно отшумевших, рассказ, в котором слышатся нотки заученности и музейной причесанности. Образы большевиков, особенно Стрыжень у Г. Грабового, лишены каких-либо видимых сомнений, противоречий, внутренней борьбы. Сцены гибели сначала Комиссара (С. Галанин), а затем Оксаны (Р. Должанская) мемориально статичны, иллюстративны, что заведомо снимает момент сопереживания.

Спектакль, при всех его несомненных достоинствах, значительно бы выиграл, если бы театр, обратившись к известной пьесе тридцатых годов, попытался найти ее сценическое решение, исходя из нашего сегодняшнего исторического опыта, а не переносил на современную сцену хрестоматийное прочтение и застывшие театральные формы сорокалетней давности.

ЕЩЕ три-четыре года назад театральную общественность края тревожил длительный творческий застой в армавирском драматическом. Теперь можно с уверенностью сказать, что усилиями коллектива эта тема снята с повестки дня. Конечно, о каких-то крупных достижениях говорить преждевременно. Пока еще и в вопросах творческих, и в делах организационных поступательное движение вперед чередуется с топтанием на месте, а удачи перемежаются просчетами. Однако то, что театр трудно, но настойчиво выходит из кризисной точки, сомнений не вызывает.

Думается, уже сегодня старейший театр Кубани способен на большее. И чем скорее он получит условия для нормальной творческой работы, тем скорее он это докажет.

Р. КУШНАРЕВ.